

Т.Л. ЧЕРНЫШОВА

*(Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия)*

УДК 821.161.1-31(Геласимов А.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,444

ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В МАЛЫХ ЖАНРАХ ПРОЗЫ А. ГЕЛАСИМОВА НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ЖАННА»

Аннотация. Понятие пространственно-временного континуума существенно значимо для филологического анализа художественного текста, так как и время, и пространство служат конструктивными принципами организации литературного произведения. Категории пространства и времени, как по отдельности, так и вместе, синтезируются в хронотоп, определяют архитектуру произведения, показывают авторское отношение к событиям и персонажам. Проза современного российского писателя Андрея Геласимова обладает яркими и запоминающимися чертами пространственно-временной модели произведения. В данной статье рассматривается организация времени и пространства в прозе малых жанров на примере рассказа «Жанна».

Ключевые слова: рассказы, организация времени, организация пространства, хронотопы, малая проза, русская литература.

Рассказ Андрея Геласимова, озаглавленный именем главной героини произведения, продолжает ряд историй в творчестве писателя (роман «Рахиль», повесть «Жажда», рассказы «Нежный возраст», «Ты можешь») о преодолении центральным персонажем жизненных трудностей, повествований, показывающих динамику конфликта внутреннего мира героя с окружающей его действительностью. Содержание рассказа «Жанна» приводит читателя к размышлениям о проблеме нравственного выбора в современном мире, полном жестокости и трагических случайностей. Сюжет истории состоит в следующем.

Восемнадцатилетняя Жанна с двухлетним сыном Сережей остаются без средств к существованию и надежды на будущее. Пытаясь обеспечить сына, девушка берется за любую работу, которую ей могут предложить без документов об образовании – школу Жанне помешали окончить рождение Сережи и неожиданная смерть матери. В отчаянии одинокая молодая мать продает вещи из дома. К моменту

описываемых событий у нее не остается даже стульев. Но эти предметы мебели, необходимые в любом доме, не так важны для хозяйки – сама она играет с сыном на полу, а внешний, внесемейный, круг общения Жанны узок. Лишь изредка к ней заходят участковый и врач. Единственный настоящий гость и друг – сосед-инвалид Толик, но ему стулья не нужны – он ползает по полу вместе с Сережей.

Появление отца Сережки – Вовки Шипоглаза удивляет Жанну. Он предлагает уехать с ним в Москву, с условием, что будет написан отказ от претензий на отцовство. Но из-за Толика добросердечная соседка решает остаться, ведь кроме нее инвалид никому больше не нужен. Во Францию, куда мечтала попасть ее мать, с надеждой посылавшая письма в посольство, Жанна тоже ехать не хочет, хотя разрешение на въезд в страну мечты получено. Девушка остается в пустой квартире с сыном, который в конце рассказа все-таки делает свой первый шаг.

Ощутить весь трагизм положения одинокой молодой матери помогает пространственно-временное устройство рассказа. Благодаря обратимости и нелинейности времени произведения читатель проникает в мир воспоминаний девушки и наблюдает за тем, как жизнь Жанны становится все более и более драматичной, начиная с ее детства и заканчивая событиями в настоящем времени рассказа. Для усиления эффекта драматизма писатель помещает свою героиню в провинциальный городок конца девяностых – начала нулевых годов.

Пространственные детали, указывающие на время событий, столь часто используемое Геласимовым в других произведениях, встречаются и в данном тексте.

- Старый кассетный магнитофон – *«А магнитофон у нас был очень старый. И весь дребезжал. И кассету я специально от нее спрятала»* [Геласимов 2015: 90],

- появившиеся в России в 90-х фотоаппараты, моментально выдающие снимок – *«Он всех нас катал тогда вокруг дома, а после этого сфотографировал на крыльце. И фотография сразу же выползла из фотоаппарата. Я раньше никогда такого не видела»* [Геласимов 2015: 91],

- йогурты, о которых дети бедных родителей могли только мечтать – *«Я наклонилась к этому мальчику и говорю – ты что, йогурт хочешь? Он остановился и очень тихо мне сказал – да. Я говорю – ты его пробовал? И у него щеки такие чумазые. А он говорит – нет»* [Геласимов 2015: 100],

- шоколадные батончики «Snickers» и пиво «Балтика №9», продающиеся повсеместно – *«А вокруг теснота и «Сникерсы», «Балтика № 9». Но мне все равно хочется там остаться. Потому что я знаю, что денег мне больше нигде не найти»* [Геласимов 2015: 100],

- сотовые телефоны, которые еще не были распространены и вызывали удивление. *«Наконец он собрал все, выпрямился и достал из дубленки маленький телефон. Говорит – возьми. Если нажмешь вот на эту кнопку, то сразу соединит с Москвой. Я отдельно живу от отца, поэтому можешь звонить мне в любое время. За звонки плачу я»* [Геласимов 2015: 107], – все это приметы конкретного периода в истории России – последнего десятилетия двадцатого века или, иными словами, «лихих» девяностых.

Временные координаты настоящего времени рассказа предельно конкретизированы. Главная героиня сама называет даты событий реального временного плана. (*«А на улице стоял дикий холод. Только что справили двухтысячный год»* [Геласимов 2015: 97]). Вычислить даты ретроспективных событий не составляет труда. Например, из следующих слов главной героини: *«И сапоги к этому времени совсем развалились. Поэтому я бегала искать работу в кроссовках, которые купила тем самым летом. Они были уже потрепанные – три года почти»* [Геласимов 2015: 97] можно сделать вывод о продолжительности временного промежутка, отделяющего ее от любовной истории с Вовкой-Шипоглазом в летнем лагере до настоящего времени.

Воспоминаемые события размещены в рассказе не в хронологической последовательности – они составляют ассоциативный ряд главной героини. Слово или комбинация слов вызывают воспоминания, направляют в прошлое. Кажется, Жанна мыслит хаотично, но именно благодаря ее ассоциативному, нелогичному типу мышления происходит связь событий разных временных пластов. История о болезни сына и рассказ о встрече с директрисой школы соединены лексическойемой «смерть»:

«Потому что в четыре часа я испугалась. Он плакал и плакал всю ночь, а в четыре перестал плакать. И я испугалась, что он умрет.

А мать твоя из-за тебя умерла. Это ты во всем виновата, – сказала мне директриса, когда я пришла к ней, чтобы она меня в школу на работу взяла» [Геласимов 2015: 86].

Первый взгляд своего сына на мир Жанна вспоминает сразу после рассказа о закрытых глазах Толика, упавшего с третьего этажа:

«И они начали драться. И потом дрались всегда. Пока Толик не упал со стройки. Потому что нам нравилось лазить на третий этаж. Мы там

играли в школу. А когда он упал, я посмотрела наверх, и там было лицо Вовки Шипоглаза. А Толик громко дышал, и глаза у него совсем **не открывались**.

А ну-ка, посмотри – как у него **глазки открылись**, – сказала мне медсестра и показала Сережку. – Мальчик у тебя. Видишь, какой большой?» [Геласимов 2015: 90].

История о том, как одиннадцатилетний Толик, оставшийся инвалидом после падения, узнал Жанну на фотографии, в запутанных мыслях главной героини связана с лекцией врача о важности предстоящего рождения ребенка:

*«А он тянул у меня из рук фотографию и тыкал в нее пальцем. Я посмотрела в то место, куда он тычет, и отдала ему фотографию. Потому что он показывал на меня. Вот так он меня узнал. Прямо в свой **день рождения. Рождение ребенка**, – сказала нам врач на лекции, – это самое важное событие в жизни женщины. С первых минут своего появления на свет младенец должен быть окружен вниманием и любовью»* [Геласимов 2015: 92].

Автор показывает сбивчивость и разрозненность размышлений главной героини. Но, вместе с этим, создает ощущение цельности, закольцованности круга событий, повторяющихся и предопределяющих друг друга. Воспоминания слиты воедино, импульс к переходу на другой виток спирали времени дают определенные лексические семы метафизического характера: «смерть», «жизнь».

Благодаря ретроспективным переходам читатель знакомится с наиболее значимыми событиями в жизни Жанны, начиная с ее шестилетнего возраста (1988 год) до 2000 года, пусть и не в прямом порядке их следования.

Ряд воспоминаний в хронологическом порядке следующий:

- несчастный случай, сделавший ее друга инвалидом на всю жизнь – *«У вас ведь тут живет уже один debil этажом выше. Я говорю – он не debil. Он просто упал со стройки, когда ему было шесть лет»* [Геласимов 2015: 94],

- день рождения Толика, когда он смог различить, кто изображен на фотографии – *«А он тянул у меня из рук фотографию и тыкал в нее пальцем. Я посмотрела в то место, куда он тычет, и отдала ему фотографию. Потому что он показывал на меня. Вот так он меня узнал»* [Геласимов 2015: 92],

- лето в лагере после десятого класса, изменившее всю ее дальнейшую жизнь – *«Но я приехала в лагерь, чтобы летом денег заработать. Мне надо было в одиннадцатый класс в новых джинсах пойти. И еще кроссовки купить хотела. Поэтому я осталась. А мама всю жизнь мне говорила – любовь зла. Но тут даже она не подозревала – насколько»* [Геласимов 2015: 93],

- рождение сына – *«Но я ничего не видела, потому что мне было очень больно. Я думала, что я скоро умру. Видела только, что он весь в крови, и не понимала, чья это кровь – моя или его?»* [Геласимов 2015: 90]),

- непростую жизнь с маленьким сыном и матерью – учительницей французского языка – *«Но она весь вечер слонялась из угла в угол, как не своя. Пыталась проверять тетрадки, а потом села у телевизора. Стала смотреть какие-то новости, но я видела, что она все равно сама не своя. Просто сидела у телевизора, и спина у нее была такая расстроенная. А Серезжа орал уже, наверно, часа два»* [Геласимов 2015: 94],

- попытки заработать после похорон мамы – *«Мамины деньги к зиме закончились, и надо было искать работу. Но меня не брали совсем никуда. Даже директриса в школе отказалась меня принять. Сказала, что я буду плохим примером для девочек»* [Геласимов 2015: 96].

Читателю, таким образом, представлены основные события двенадцати лет биографического времени главной героини. Действие, происходящее в настоящем, не отличается такой же продолжительностью и занимает чуть больше недели марта 2000 года, поскольку реальное время в рассказе, в соответствии с жанровой спецификой, должно быть ограничено узкими временными рамками.

Еще одной особенностью организации времени в рассказе является цикличность темпорального устройства. Повторяемость ситуаций на разных временных отрезках обуславливается структурообразующим хронотопом произведения – сопряжением времени и пространства в провинциальном городке. События в таком городке М.М. Бахтин назвал «бываниями» [Бахтин 1975: 396], ведь время здесь лишено здесь поступательного исторического хода, оно движется по узким кругам: круг дня, круг недели, круг всей жизни. В жизни главной героини действительно есть ситуации, дублирующие друг друга. Например, получение травмы Толиком и сдвиг шейных позвонков во время родов у сына Жанны. Цикличны и встречи главной героини с Вовкой-Шипоглазом, которые призваны кардинально менять жизнь девушки.

Ахронность хронотопа провинциального городка предполагает также такую важную закономерность существования города, как преемственность поколений. Жанна со своим детским взглядом на мир не приспособлена к жестким условиям реальности так же, как и ее мать, жившая мечтами о Франции.

Пространство городка характеризуется также тесной связью элементов, его заполняющих, наличием между ними системы сложившихся, раз и навсегда установленных отношений. Жанна, как и остальные жители города, включена в устоявшуюся систему взаимодействия всех элементов пространства. Главная героиня –

элемент гонимый и страдающий на протяжении всей жизни. В детстве ребята не брали ее в свои игры, пока не вступился Толик; став матерью, она столкнулась с тем, что ее решение рожать не одобрено остальными, и найти работу, имея на руках маленького ребенка, почти невозможно.

Хронотоп провинциального города определяет также замкнутость, и однородность пространства: в этом мире все не только потенциально знакомо, но и потенциально контактно, способны к общению во время неожиданных встреч.

Замкнутость пространства города порождает, в свою очередь, такое явление, как мифологизация внешнего мира, который для обитателя рассматриваемого пространства находится вне области локализации. «Полюс «близко» реален, поскольку находится в конкретно-пространственной зоне, а полюс «далеко» ирреален, т. к. находится за границей освоенного городского пространства, символизирует семантическое небытие и теряет связь с самой идеей пространственной локализации» [Яковлева 1993:48-61]. За границей городка Жанны находятся пространства Москвы и Франции (возведенные в ранг ирреальных сознанием главной героини). В мире художественного произведения переход этой границы, выход героя во внешний мир обычно становится катастрофой, однако в данном рассказе нежелание Жанны уехать из своего городка может иметь в будущем трагические последствия.

Пространства провинциального города, Франции и Москвы находятся в оппозиции друг к другу. «Спасительная» для матери Жанны Франция противопоставляется полному обыденности, серости и грубости провинциальному российскому городку с деревянной школой, гаражами, ямами и плохими домами. Для самой Жанны, однако, страна, где жила Эдит Пиаф, не кажется столь желанной – она не знает французского языка, во-первых, и не хочет оставлять единственного друга «*толоумного*» Толика, во вторых. И Москва для нее – нежеланный опасный город, поэтому своеобразные проводники с пространствами Москвы и Франции, средства связи с этими мирами – телефон, полученный от Вовки-Шипоглаза, и письмо из посольства она отдает Толику и Сережке. Телефон Толик бьет о пол, а письмо рвет Сережка. Связь с пространствами, сулящими перемены, разрывается, Жанна остается в своем собственном мире, в почти полной изоляции от окружающей действительности (что свойственно на разных этапах развития сюжета всем героям Геласимова). Тема предательства, характерная для других анализируемых произведений (роману «Рахиль», повести «Жажда»),

рассказам «Ты можешь», «Чужая бабушка»), прослеживается и в данном произведении, ведь Вовка-Шипоглаз все же не хочет признавать отцовства и просит Жанну подписать согласие на отказ от дальнейших его обязательств перед сыном. Девушка, умеющая верно и преданно дружить, не может понять отречения от родного сына. Простить такое предательство тяжело, возможно, еще и поэтому, подверженная порывам эмоций, главная героиня отказывается уехать в Москву вместе с Вовкой. Быть может, она совершает самый опрометчивый поступок в своей жизни. Что ждет ее в будущем? Бедность, граничащая с нищетой, тяжелая, однообразная работа, одиночество...

Казалось бы, надежд на улучшение ее положения мало, но в самом конце рассказа двухлетний Сережа делает свой первый шаг, он все-таки смог освоить пространство вокруг и теперь сможет передвигаться по нему без помощи мамы. Может быть, Бог услышал мольбы главной героини о помощи? Ведь должны небесные силы проявлять милосердие к той, которую нарекли Жанной (в переводе с древнееврейского – Богом милованная). Благодаря финальному счастливому событию, в драматическом рассказе проявляются черты оптимизма – еще одной особенности геласимовской прозы. Он, граничащий порой с юродством, придает всему творчеству писателя глубокий философский смысл. Право на жизнь и счастье имеют все люди в нашем мире, а способность дружить, не предавая, искренне помогать человеку ценится выше всех материальных благ, – говорит Геласимов, конструируя подобным образом свой рассказ.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.

Геласимов А. В. Жанна // Любовь или Пускай смеются дети: сборник рассказов. М.: Издательство «Э», 2015.

Яковлева Е. С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // Вопр. языкознания. 1993. № 4.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. О.В. Журчевой.